

АРИЯ
ГЕСС

ОЛИВИЯ
ЛОРАН

РАЗВОД

*Тварь дрожащая
или право имею?*

Ария Гесс

**Развод. Тварь дрожащая
или право имею?**

«Литнет»

2025

Гесс А.

Развод. Тварь дрожащая или право имею? / А. Гесс — «Литнет», 2025

— Твоя жена — настоящая дура! Она, можно сказать, сама организовала нам с тобой встречу... — радуется моя «подруга», даже не догадываясь насколько близка к правде. — Сейчас она плохо соображает, — отвечает ей мой чертов муж. — Носится по врачам и надеется выжить. Его усмешка ранит сильнее, чем звуки шороха одежды и протяжные стоны в нашей спальне. — Думаешь, она выживет? — спрашивает лицемерка. — Выживет? Я жду, когда она сдохнет, — хладнокровно заявляет он, роняя мое сердце на пол. Стиснув зубы, я концентрирую остатки сил в ослабленном болезнью теле. И собираюсь сделать то, для чего и организовала этот цирк. Я разрушу их жизни. ————— Новость о том, что мой муж изменяет мне с близкой подругой, стала настоящим шоком. Но это не самое страшное, что случилось со мной. Неожиданная редкая болезнь, тайные угрозы и призраки прошлого довели меня практически до смерти. Но разве я тварь дрожащая? Я право имею! #ХЭ для тех, кто заслужил! Книга пишется в рамках Литмоба «Развод в 40. Кусай локти»;

© Гесс А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
1	7
2	8
3	9
4	10
5	11
6	12
7	13
8	14
9	16
10	18
11	20
12	23
13	25
14	27
15	29
16	32
17	34
18	37
19	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пролог

Сердце колотится о ребра, как обезумевшая птица в клетке, пока я поднимаюсь по лестнице на второй этаж своего дома. Каждый шаг отдается гулким эхом в моей голове. Я замираю перед приоткрытой дверью нашей с Сергеем спальни, откуда доносится приторный, мурлыкающий смех, который я узнаю из тысячи.

До последнего не хотела верить, до последнего цеплялась за крупницы надежды, что это ошибка, недоразумение. Что мой муж не мог изменить мне. И уж тем более с ней... с моей близкой подругой.

Больно. Мерзко. Но эта боль, смешанная с отвращением, не ломает меня. Она разжигает внутри ледяное пламя. Она придает мне сил и решимости.

— Твоя жена — настоящая дура! Она, можно сказать, сама организовала нам с тобой встречу... — радуется моя «подруга», даже не догадываясь, насколько близка к правде.

— Сейчас она плохо соображает, — отвечает ей мой чертов муж. — Носится по врачам и надеется выжить.

Его усмешка ранит сильнее, чем звуки шороха одежды и протяжные стоны в нашей спальне.

— Думаешь, она выживет? — спрашивает лицемерка.

— Выживет? Я жду, когда она сдохнет, — хладнокровно заявляет он, роняя мое сердце на пол.

Стиснув зубы, я концентрирую остатки сил в ослабленном болезнью теле. И собираюсь сделать то, для чего и организовала этот цирк.

Я разрушу их жизни.

Тихо толкаю дверь и вхожу в спальню. Они настолько увлечены друг другом, что даже не замечают моего присутствия.

Зато я вижу их. Слишком хорошо вижу...

Сергей задирает платье Алены, жадно сжимает пальцами ее бедра. Она, запрокинув голову, подставляет шею под его поцелуи. После чего он дергано стягивает с себя брюки, оголяя свой зад.

Отвращение подкатывает к горлу, на мгновение перекрывая доступ к кислороду.

Я думала, что готова к тому, что увижу. Но к такому подготовиться невозможно. Даже когда сама всё организуешь.

Да, мой муж и моя подруга оказались здесь неслучайно. Они — марионетки. Марионетки, которых я с наслаждением готова разнести в щепки.

Я решительно достаю телефон, но пальцы всё равно мелко дрожат. Щелчок затвора камеры тонет в их столах.

Мой взгляд скользит к комоду у входа, на котором стоит мой стакан с недопитой водой и блистер с таблетками. Таблетками, которые должны спасти мне жизнь. Но ее словно только все отравляют...

Протяжный, громкий стон Алены окончательно уничтожает во мне все светлое, все человеческое.

Больше я не думаю. Не убирая телефон, я беру стакан и с размаху разбиваю его об пол.

Звон стекла заставляет их испуганно дернуться и обернуться.

— Улыбнитесь, — произношу с усмешкой, снова наводя на них камеру. — А то своими кислыми минами портите мне такой шикарный кадр. Не дай бог муж Алены решит, что его лучший друг пытается нагнуть раком его жену силой.

Лицо Сергея искажается от ужаса. Он спешно натягивает штаны и хочет что-то сказать, пока Алена прячет залитое слезами лицо в ладонях.

— Вика, это... — сбивчиво пытается объясниться он, — это не то, что ты...

— Давай помогу тебе, дорогой, — перебиваю я, убирая телефон в карман светлых брюк. — Это не то, что я думаю? Я не так всё поняла?

— Я... — он теряется, его взгляд мечется от меня к скулящей Алене. — Вика, пойми, я мужчина. Мне секс нужен как воздух. А ты сейчас... ты слаба, я же беспокоюсь о тебе...

В груди вибрирует смех, готовый вырваться в любую секунду. Но я лишь улыбаюсь. Он не увидит меня разбитой, скатившейся в истерику. И не потому, что я не хочу доставлять ему такого удовольствия.

Слишком многое за последние пару месяцев изменилось в моей жизни, чтобы измена мужа окончательно убила меня.

— Беспокоишься? Настолько, что спишь и видишь, когда я уже сдохну?

— Она всё отправит Игорю... — воет Алена, прикрываясь простыней. — Серёня, сделай что-нибудь!

Я снова усмехаюсь.

— Серёня... Как мило. Ну, Серёня, что делать-то будешь? Успокой жену своего друга, а то она сейчас всю косметику слезами смое. И сам так не нервничай, не дай бог давление поднимется, нам тут скорой еще не хватало. В общем, можете продолжать, если я вам настрой не сбила. Снимки вышли что надо. Уверена, Игорь оценит таланты своей жены по достоинству.

— Вика... — подает голос Сергей. — Ты же не думаешь, что у меня с ней есть что-то серьезное? Давай сядем, спокойно поговорим, — пытается он взять ситуацию под контроль.

— У меня нет на это времени, — отрезаю я. — Но ты можешь попытаться меня остановить.

Я разворачиваюсь и иду к выходу. Спиной слышу, как Алена подначивает его, шипит, чтобы он забрал телефон, но мой муж, видимо, слишком напуган, чтобы пошевелиться.

Я спокойно выхожу из дома, сажусь в машину и еду в клинику. По пути открываю галерею и отправляю фото Игорю с короткой подписью: «Твоя жена сегодня задержится».

Уже в холле клиники у меня звонит телефон. Взглянув на экран, я нервно сглатываю.

Мой босс...

— Вика, где ты? Нам нужно срочно встретиться.

Сердце снова начинает биться чаще.

— Что-то случилось? — уточняю ровным тоном, пытаюсь оставаться спокойной.

— У меня есть информация, которую ты захочешь узнать, — его голос серьезен как никогда. — Это не телефонный разговор.

— Тебе удалось что-то выяснить?

Пауза на том конце провода кажется вечностью.

— Твой муж не тот, за кого себя выдает. И разводиться с ним тебе сейчас нельзя.

1

Одним месяцем ранее

Я стою посреди огромного офисного холла и смотрю на расплывающиеся перед глазами цифры в недавно подготовленном отчете.

Голова кружится, дышать невозможно, легкие словно спазмом стягивает.

Поднимаю голову и вижу всё словно через размытое дождем стекло. Мир покачивается, унося меня туда, где нет забот, где нет ответственности, где я могу, наконец, отдохнуть.

Прихожу в себя, ощущая сильные руки, которые удерживают меня, не давая рухнуть. Чувствую запах дорогого парфюма и бешеную энергетику электричества в воздухе, которая возникает лишь в присутствии одного человека.

— Вадим Сергеевич, — резко отстраняюсь, словно меня прислонили к раскалённой плите, когда я понимаю, как именно удерживал меня босс: плотно прижимая за талию к себе.

Мои щеки обжигает стыд, но я не позволяю ему взять верх.

Замужняя женщина, Вика! Такие прикосновения крайне неуместны.

— Виктория, вы в порядке? — спокойно произносит он, и в его голосе, кажется, прослеживаются нотки искренней тревоги. — Это уже не первый раз. Тебе нужно к врачу.

Он прав... В последнее время я постоянно чувствую слабость. Головокружения стали настолько частыми, что даже босс это заметил. Однако это совсем не то, что я могла бы с ним обсудить, поэтому лишь отмахиваюсь, стараясь выглядеть как можно более уверенно.

2

— Всё отлично, просто переутомилась. Скоро конец рабочего дня, дома отдохну, — мои слова звучат неубедительно даже для меня самой.

Но я не могу иначе. Ложь сейчас мой постоянный защитный механизм.

Вадим Сергеевич в очередной раз хмурится, но больше ничего не спрашивает. Лишь насильно отправляет меня домой на вызванном заранее корпоративном такси.

Захватив свою сумочку, я благодарю его и спускаюсь к машине. По пути домой набираю номер Софии. Я так соскучилась по ним с Аленой за эту неделю. Мне просто необходима перезагрузка с подругами после такой тяжелой недели.

— Привет, Софи, — стараюсь, чтобы голос звучал легко. Мы с детства дружим с Софией, и у меня нет никого ближе ее. Она стала мне сестрой, а потом заменила и маму, когда она ушла. София всегда остро воспринимает мои проблемы, поэтому говорить ей о своем плохом самочувствии совсем не хочется. Тем более она начнет предлагать свою помощь, снова заговорит о своей клинике, а я не хочу ее напрягать. — Спасибо за пирог, ты просто спасла меня. На работе такой завал, что даже не было времени сходить на обед. Я только им и питалась несколько дней. Что бы я без тебя делала, дорогая.

София тут же расплывается в довольной улыбке — я слышу это по ее голосу.

— Вик, я так скучаю. Видеть не могу этих пациентов, давай уже встретимся, наконец.

— Я тоже очень соскучилась. Алена не звонила тебе?

— Она в последнее время какая-то странная. Как раз будет повод устроить ей допрос с пристрастием, — серьезнее говорит Соф. Она уж точно разгуляться нам не даст.

3

Я впервые за сегодняшний день улыбаюсь.

— Может, на выходных у меня соберёмся? Втроём. Не хочу никаких ресторанов, надоели, — ворчит Софи, и я с ней абсолютно солидарна.

— Отлично, тогда в субботу я попрошу свекровь остаться с Сережей и приеду.

— Боже, будто маленького ребёнка оставляешь, а не мужа, — недовольничает Софа, снова заставляя меня смеяться. Откуда ей, незамужней, знать, что иногда муж будет похлеще любого ребенка.

Приезжаю домой я довольно быстро. Однако желания заходить почему-то совершенно нет. Я уже предполагаю, что меня там ждет, и когда вхожу, даже не удивляюсь: диван, на котором развалился Сергей, пустые упаковки от чипсов и грязная посуда, в которой, кажется, уже началось эволюционирование нового вида жизни. Моя усталость наваливается с удвоенной силой, отдавая болью в висках.

— Серёж, ты мог бы хотя бы посуду помыть за собой? — спрашиваю, снимая туфли, которые в очередной раз натёрли мне мозоли.

Муж смотрит на меня, молча закатывая глаза, однако ответ я всё же получаю. От свекрови. Не знала, что Антонина Семеновна сегодня должна была нас навестить.

Но, впрочем, это же не в первый раз, в конце-то концов, могла б уже привыкнуть! — кричит мне внутренний голос.

4

— Он тебе что, не мужик что ли? А ты на что тогда в этом доме? — раздаётся противный голос свекрови.

Внутри меня что-то щелкает. Спокойствие, которое я так тщательно культивировала, начинает давать трещину.

— Я и так работаю, а вы вместо того, чтобы поощрять лень сына, лучше бы поставили его на путь истинный! — мой голос становится чуть громче, чем следовало бы, и она заметно ерепенится такому отношению. — Мне ведь может в один момент это надоест!

Сергей вскидывается, тут же подходя ко мне.

— Ой, ну Вик, ну хватит! Я только лёг, а уже начинается! Весь день следил за акциями и криптовалютой, нервы на пределе! – кричит он, снова садясь за компьютер.

Я устало потираю виски.

— Мне это надоело, Сереж. Выходи на работу, я больше не собираюсь платить твои долги, — мои слова, похоже, достигают цели.

Муж тут же меняется. Маска недовольства слетает, открывая вторую, не менее лицемерную сущность мужа. А ведь раньше я верила ему... Каждому его признанию, каждому слову верила. И в то, что ему лучше уйти с работы и зарабатывать на акциях. И даже в то, что ему нужен начальный капитал на вклады, когда брала на себя кредит, я ведь верила! В него, в нас...

Пока не стала видеть то, что писалось между строк. Однако этого недостаточно, чтобы уйти.

5

Слова мужа о том, что я все перекручиваю, каждый раз заставляли меня думать, что проблема не только в нем, но и во мне, а сейчас... Сейчас всё по-другому.

То, что творится в моей жизни сейчас, не позволяет мне в достаточной мере оценить состояние нашего с Сережей брака. Я просто не в силах делать ещё и это...

— Ну что ты, Вика, зачем так? У меня хороший вывод в этом месяце. Всё у нас хорошо, что ты так переживаешь?

Он пытается успокоить меня деньгами, словно я дитя, которое можно подкупить конфетой. Я уже давно не та наивная дурочка, которая вышла за него замуж, однако спорить сейчас — это последнее, на что у меня есть силы.

— Я плохо себя чувствую в последнее время, — мне тяжело дается признание, но я всё же делаю это. — Что будет, если я слягу дома?

Он таращит на меня глаза, а потом подходит ко мне близко и смеется. Открыто, над-рывно, словно я сказала какую-то шутку.

— Не притворяйся, ты посильнее некоторых будешь, зачем на жалость давишь, когда сама как машина. Иди попей витаминов и возвращайся на работу, — на энтузиазме говорит он, а потом целует меня в лоб. — За кредиты платить же надо, — добавляет тише, снова возвращаясь к компьютеру, а у меня кровь застывает в жилах.

Я как машина...

6

Чувствую, как поднимается волна чистой, неразбавленной ярости и, чтобы не сорваться на семье, развернувшись, иду в свою комнату.

Швырнув сумку, я откидываюсь на кровать и закрываю лицо руками, но странный звук, будто из неё что-то выпало, заставляет снова приподняться.

И я застываю, панически глотая воздух.

Возле открытой сумки лежит черный конверт.

Нет, нет, нет... Сжимаю руками свою голову, только бы не думать, только бы не окунаться в это снова. Всё это уже не похоже на чью-то несмешную игру...

Я начинаю сходить с ума!

Сначала курьерская доставка, потом электронные сообщения, теперь они добрались до меня слишком близко! Они прикасались к моим вещам!

Я запираю дверь своей комнаты, а потом падаю у комода, больно ударившись коленями. Открываю последний ящик и достаю шкатулку.

Руки дрожат, пока я открываю замок.

Внутри лежит пуговица с инициалами Сережи от брендовой рубашки, которую я подарила ему на день рождения; его утерянная именная ручка и засохший желтый тюльпан в рамке с надписью: «Поцелуй его на прощание. Пока у тебя ещё есть такая возможность».

Сообщения с угрозами, которые приходили мне на почту, не давали возможности обратиться в органы... они нашли точку, на которую можно больно надавить, и давят!

7

Дрожащими пальцами открываю новое письмо. Я уже предчувствую, что ничего хорошего не увижу. Но оказываюсь не готова к такому...

Фотографии. На них видно лицо Сережи с какой-то женщиной. Фотографировали со спины и довольно близко, женщину не разглядеть. На одном из снимков она целует его в шею, а он улыбается.

Так, как давно не улыбается мне...

После всех фотографий вложена черная картонка с выведенным на ней белыми чернилами каллиграфическим почерком:

"Твоя мама так переживает за тебя, Вика, и передает тебе привет. Надеюсь, тебе понравились фотографии твоего мужа.

P.S. Ты же умная девочка, знаешь, где нужно держать свой язык, чтобы все жили долго и счастливо?"

Мой мир раскалывается на миллионы осколков. Слезы, которые я так долго сдерживала, наконец, прорываются, стекая по щекам горячими ручьями.

Я складываю новые фотографии в эту коробку, в это хранилище чужих грехов и моих страданий. И плачу. Плачу не от слабости, а от осознания.

Осознания того, что мой мир больше не будет прежним. Что случилось то, на что я просто не могу закрыть глаза.

Сережа мне изменяет...

И тот, кто присылает мне эти чертовы письма, следит за нами, наблюдает, издевается и шантажирует самым личным, самым больным, что у меня есть...

А точнее, кого нет.

Сжав в руке одну единственную фотографию, которую я получила самой первой, прикладываю ее к сердцу и зажимаюсь.

На ней изображена женщина средних лет с седыми прядями по центру головы. У неё мое лицо.

Мама, которую я уже отчаялась найти...

8

Глава 2

Аромат свежесваренного кофе и малинового пирога наполняет уютную кухню Софии. Мы сидим на мягком диване втроем, Алена всё-таки смогла выбраться сегодня к нам.

Укутавшись в плед, я впервые за долгое время чувствую, как напряжение, сковывающее меня неделями, начинает понемногу отступать.

— Я думала, эта неделя никогда не закончится, — говорю я, делая глоток горячего напитка.

— Ты выглядишь ужасно, Вик, — София смотрит на меня серьезно, отставляя свою кружку. — У тебя темные круги под глазами. Что-то случилось?

Замечание подруги совсем не ранит, она всегда говорит первое, что взбредет в голову и чересчур прямолинейна. Но я знаю, как она любит меня и ценит нашу дружбу, точно так же, как и я.

Отвожу взгляд, не выдерживая ее, пытливого. Мне не хочется портить этот вечер своими проблемами, не хочется снова видеть беспокойство на ее лице. Но она знает меня слишком хорошо.

— Всё в порядке, просто завал на работе.

— Вика, — она произносит мое имя так, что я понимаю — отнекиваться бесполезно.

Я тяжело вздыхаю. Ком подкатывает к горлу, а глаза предательски щиплет.

— Сергей, кажется, мне изменяет.

Слова повисают в воздухе. Алена, сидящая рядом, замирает и шокированно прикрывает рот рукой. София же, наоборот, мрачнеет, ее брови сходятся у переносицы.

— Я так и знала, — цедит она сквозь зубы. — Я знала, что твой тьюфак на это способен. Кто эта стерва?

— Я не знаю, — тихо отвечаю я, разглядывая узоры на своей кружке.

— Как ты узнала? — подает голос Алена, ее лицо бледное, как полотно.

Страх ледяной змеей скользит по позвоночнику. Я не могу рассказать им о письмах, об угрозах, о фотографии мамы. Не могу втянуть их в этот кошмар. И боюсь... Боюсь, что тот человек, который отправляет мне все эти послышки, воплотит свои угрозы в жизнь, если кто-то об этом узнает.

— Это неважно, — качаю головой. — Но я уверена в этом почти на сто процентов.

София переводит свой пронзительный взгляд на Алену.

— А ты чего побледнела, будто это тебе муж изменил? — она щурится, и в ее голосе появляются опасные нотки. — Или это ты спишь с мужем нашей Вики?

Алена таращит на нее глаза, полные ужаса и возмущения.

— Софа, ты с ума сошла?! Что ты такое говоришь? У меня Игорь есть!

— Ой, знаем мы твоего Игоря! — недобро усмехается София. — Когда у вас секс-то в последний раз был, а?

Алена открывает и закрывает рот, не зная, что ответить.

— Софа, прекрати, — я хмурюсь, вмешиваясь в их перепалку. — Шутки сейчас неуместны.

— А я и не шучу, — ее взгляд становится ледяным. Она снова поворачивается к Алене. — Где ты пропадала последнее время? На звонки не отвечала, а когда разговаривала, вела себя странно. Что ты скрываешь от нас, Ален?

— Боже, Софа, перестань... — я устало тру виски. — Где там твой новый чай, который ты так нахваливала?

Алена начинает что-то сбивчиво говорить, оправдываться, что у нее были проблемы на работе, что она просто устала.

— Точно! — подсказывает София, словно только что вспомнила. — Чай! Он успокаивающий, с ромашкой и лавандой, сейчас вам сделаю.

Она уходит к кухонному гарнитуру, а Алена поворачивается ко мне с глазами, полными слез.

— Вика, ты же не думаешь... Я бы никогда...

— Успокойся, — я беру ее за руку. — Я никогда в жизни бы не подумала на тебя. Софа просто злится, что ты в последнее время сама не своя, будто избегаешь нас.

София возвращается с тремя дымящимися кружками и ставит перед каждой из нас по тарелке с куском пирога. Мы еще долго болтаем, и напряжение постепенно уходит.

Когда мы собираемся расходиться, я поднимаюсь с дивана, и мир словно качается. В глазах темнеет, я хватаюсь за спинку дивана, чтобы не упасть.

— Вика! — София подлетает ко мне и крепко хватается за руку, не давая рухнуть на пол. — Что с тобой?

— Голова закружилась, — шепчу я, когда зрение понемногу проясняется.

— У тебя часто такое? — ее голос становится строгим, профессиональным.

Я опускаюсь на стул, который она мне пододвинула.

— Началось около месяца назад, — признаюсь я. — И мне кажется, становится только хуже.

София смотрит на меня так, что у меня по спине бегут мурашки.

— Завтра. В девять утра. Ты едешь ко мне в клинику на полное обследование. И это не обсуждается.

Я даже не спорю. Я и сама уже понимала, что тянуть больше нельзя.

На следующий день, после нескольких часов обследований, анализов и процедур, я сижу в кабинете у Софы. Она молча изучает результаты, и мне не нравится выражение ее лица. Страх, словно ледяными щупальцами, обхватывает мое тело, сжимая легкие.

— Соф, не молчи, пожалуйста, — мой голос срывается.

Она поднимает на меня глаза, полные боли и сострадания.

— Вик, я буду говорить прямо и честно, как ты любишь.

Я киваю, вцепившись пальцами в подлокотники кресла.

— У тебя серьезная болезнь. Идиопатический легочный фиброз. Проще говоря, твои легкие постепенно перестают работать. И... — она делает глубокий вдох, — лечение нужно начать немедленно. Если ты хочешь прожить дольше года...

9

Глава 3

Слова Софии впечатываются в стены кабинета и удушающе давят на моё сознание.

Год. Триста шестьдесят пять дней.

Цифра пульсирует в висках, отбивая обратный отсчет моей жизни. Я смотрю на подругу, но ее лицо, обрамленное светлыми волосами, расплывается, превращаясь в размытое пятно.

Мое предательское тело подводит меня. Почему?!

— Но это еще не всё, — тихо произносит она, и ее голос выдергивает меня из оцепенения, сжимая ещё сильнее сердце.

Хотя куда ещё сильнее? Разве есть что-то хуже смертного приговора?

София обходит стол и опускается на корточки передо мной, ее руки находят мои. Она смотрит на меня как профессионал, как подруга, как сестра.

— Вика... Ты беременна. Срок совсем маленький, недели четыре, не больше.

Она произносит эти слова, а я больше не жду года. Разрушаюсь в тот миг, когда слышу эту информацию и мотаю головой в неверии.

— Нет, — слеза кислотой выжигает линию на моем лице.

Беременна.

Одно слово, которое ещё год назад сделало бы мою жизнь самой прекрасной на свете, но сейчас... оно не приносит радости. Оно взрывается внутри меня ударной волной, испепеляя все на своем пути.

Этот обреченный долгожданный ребенок.

Маленькое чудо, о котором мы с Сережей перестали даже мечтать после того, первого, страшного выкидыша. И вот он, здесь, внутри меня.

Я кладу руки на свой живот, а Софа тихо сидит рядом и тоже плачет.

Крошечный, невозможный росток жизни на выжженной земле моего умирающего тела.

— Но... — мой голос хрипит, и мне едва удается издать звук. — Те лекарства, которые мне предстоит принимать...

— Несовместимы с беременностью, — жестко, но честно заканчивает подруга вместо меня, не поднимая глаз. — Они токсичны для плода. Да и вообще... Вика, твой организм... он сейчас как хрупкий стеклянный сосуд с трещинами. Он не выдержит нагрузки. Тебе нужно... — она запинается, подбирая слова, но я и так все понимаю.

— Сделать аборт, — заканчиваю я за нее, а потом поднимаюсь, смахивая с лица слезы. Какой смысл плакать, когда внутри все умерло.

Она кивает, медленно возвращаясь на свое место.

— По медицинским показаниям, — добавляет она. У тебя нет выбора. Даже если ты решишь оставить ребёнка, то вы просто...

— Я тебя поняла, — бездушным голосом принимаю свой приговор и выхожу из клиники.

Городской шум, крики чаек, звук машин кажутся лишь шипящим фоном в моей голове, в которой словно образовался вакуум.

Воздух царапает горло, и каждый вдох дается лишь с усилием. Я прислоняюсь к холодной кирпичной стене здания, сползая по ней вниз.

Мой долгожданный ребенок. Мой малыш. Мое тело, которое должно было стать для него колыбелью, стало смертельной ловушкой.

Прости, маленький, что тебе досталась такая слабая мама.

Я пытаюсь держать себя в руках, чтобы не сойти с ума, но жестокая, беспощадная память не спрашивая швыряет меня в прошлое.

Пять лет назад.

Белая, стерильная до тошноты больничная палата. Я лежу, уставившись в потолок, и чувствую лишь всепоглощающую пустоту там, где еще вчера билась маленькая жизнь. Дверь тихо открывается, и входит Сережа. Его лицо осунулось, под глазами тени, но он пытается улыбнуться мне.

— Привет, родная, — он садится на край кровати и берет мою руку. Его ладонь кажется такой теплой на моем холодном теле. — Как ты?

Я молчу. Что я могу сказать? Что внутри меня выжженная пустыня? Что я чувствую себя бракованной, неспособной дать жизнь тому, кого мне посылают сверху?

— Я принес тебе твой любимый вишневый йогурт, — он достает из пакета баночку. — И цветы. Врач сказал, что можно.

Он ставит маленький букетик полевых ромашек в стакан с водой. Мои любимые. Он помнит это.

— Я не хочу, — голос хриплый от слез. — Ничего не хочу.

— Вика, — Сережа обнимает меня, прижимая к своей груди. Я чувствую, как дрожат его плечи. Он тоже страдает. Это не только моё горе. Оно наше, ведь он не меньше меня ждал нашего ребёнка. — Мы справимся. Слышишь? Мы пройдем через это вместе. Я люблю тебя так сильно, что этой любви хватит, чтобы нас вылечить. У нас ещё будет много детей, родная. И даже если не будет, это неважно, главное, чтобы у меня была ты.

Его слова становятся для меня спасательным кругом, якорем, что вытаскивает меня на свет.

Я цепляюсь в него, рыдая у него на плече, а он гладит меня по волосам, шепча слова утешения до тех пор, пока моя боль не утихает в нашей общей. До тех пор, пока он не делит ее со мной на двоих.

Я резко возвращаюсь в настоящее. Холодный ветер треплет волосы, и я представляю в мыслях ту фотографию.

Сережа, улыбающийся другой женщине.

Той, которая не бракованная.

Той, которая, возможно, сможет подарить ему ребенка, которого не смогла я.

Его обещания, его клятвы — все они рассыпаются в прах, как и мои надежды.

В какой момент все стало так? В какой момент мы стали другими? В какой момент он перестал меня любить? Ведь любил же...

В кармане вибрирует телефон. Я достаю его и вижу на экране высветившийся звонок от Алены. Сглатываю ком в горле, пытаюсь придать голосу хоть каплю нормальности.

— Да, Ален, привет.

— Ну что? Как обследование? Что Софа сказала? — спрашивает она встревоженно.

Я до боли сжимаю в руке телефон. Я не могу рассказать ей правду. Не сейчас, когда сама еще не приняла этот ужас.

— Да пока ещё ничего непонятно. Усталость хроническая, — вру я. — Слушай, я сейчас как раз недалеко от тебя, давай заеду?

Алена несколько секунд молчит, произнося непонятные фразы, словно пытаюсь отговорить меня от визита к ней, чего раньше никогда не было.

— Вик, меня сейчас дома нет, я по делам уехала, — быстро тараторит она. Слишком быстро. Однако я прекрасно слышу на заднем плане тихий, но отчетливый гул работающего телевизора.

Почему-то сразу догадываюсь.

— Алена, — мой голос становится ледяным. Вся моя собственная боль на мгновение отступает на второй план. — Он что, снова это сделал? Игорь опять поднял на тебя руку?

10

Глава 4

На том конце провода воцаряется звенящая тишина, и моя тревога только усиливается.

— Так, ладно, — отрезаю я, не давая ей шанса придумать очередную ложь. — Я скоро приеду.

Я сбрасываю вызов и, не раздумывая, ловлю такси. Всю дорогу до ее дома я смотрю в окно, но не вижу ничего, кроме отражения собственного отчаяния. Все смешалось в один тугой узел: моя болезнь, моя невозможная беременность, предполагаемая измена мужа, а теперь еще и это.

Дверь мне открывает Алена. Она пытается натянуть на лицо улыбку, но та выходит кривой и жалкой. На скуле, чуть припудренный, но все равно заметный, багровеет свежий синяк.

— Проходи, — шепчет она, отводя взгляд.

Мы садимся на кухне. Той самой, где мы уже давно не собираемся вместе с подругами. Теперь наши встречи проходят у Софии, в кафе и изредка у меня дома.

— Почему, Ален? — спрашиваю я тихо, но мой голос звенит от сдерживаемой ярости. — Почему ты до сих пор с ним?

Она пожимает плечами, теребя пакетик чая в пальцах.

— Куда я пойду, Вик? У меня нет никого. Родители от меня отказались, когда я за Игоря замуж вышла. Работы нет, денег своих тоже. Он — всё, что у меня есть.

— У тебя есть мы! — я наклоняюсь к ней через стол. — У тебя есть я и Софа. Мы бы помогли тебе.

— А дальше что? — в ее глазах блестят слезы. — Сидеть у вас на шее? Он говорит, что любит меня. Что это просто срывы из-за проблем на работе. Он обещает, что изменится.

Я горько усмехаюсь. Обещания. Как же мне знакома цена этих пустых слов.

— Ален, он не изменится. Такие люди не меняются.

Она вдруг поднимает на меня глаза, и в них мелькает что-то странное.

— Тебе легко говорить, — произносит она. — Сергей бы никогда на тебя руку не поднял. Он носит тебя на руках, заботится. Он идеальный муж.

В груди что-то болезненно сжимается. Идеальный. Если бы она только знала...

— Он не идеальный, — качаю я головой. — У всех есть свои минусы. К тому же, я же говорила Вам с Софой... У меня есть подозрения, что он мне изменяет.

Алена тут же меняется в лице. Она берет меня за руку, ее взгляд становится участливым, почти умоляющим.

— Вик, но ты же не знаешь этого наверняка. Это всего лишь подозрения. Может, это просто недоразумение? Или кто-то специально хочет вас посорить? Сергей так тебя любит, я не верю, что он мог бы...

Она защищает его. Осторожно, подбирая слова, но я это чувствую. Внутри поднимается холодная волна недоумения, но я списываю это на ее собственную боль. Ей просто хочется верить, что где-то существует идеальная любовь.

— Может, ты и права, — устало соглашаюсь я. — Полной уверенности у меня нет. Но всё же...

Мы еще пару часов сидим в просторной кухне, пока не близится время возвращения Игоря. Я говорю, что могу и задержаться, но Алена наотрез отказывается, и уезжаю я от нее с тяжелым сердцем, так и не рассказав ей о том, что со мной случилось. Зачем? Сейчас у неё достаточно своих проблем.

Дом встречает меня тишиной и полумраком. Сергей сидит на своем обычном месте, за компьютером, его лицо освещает лишь холодный свет монитора. Он даже не поворачивает головы, когда я вхожу.

— Я дома, — бросаю в пустоту.

— Ага, — доносится в ответ.

— Хотела поговорить...

— Давай потом, у меня сейчас семинар начинается.

Я стою в прихожей несколько секунд, глядя на его отстраненный силуэт. Между нами словно непробиваемая стена, которую я не знаю, как разрушить. И хочу ли? Ничего решив не рассказывать, я разворачиваюсь, молча иду в нашу спальню, принимаю душ и ложусь спать. Зачем говорить о проблемах человеку, которому на них все равно?

На следующий день в офисе я чувствую себя разбитой. Голова гудит, буквы в документах пляшут перед глазами. Дверь моего кабинета тихо открывается, и на пороге появляется Вадим Сергеевич.

— Виктория, можно?

Я киваю, пытаюсь собраться с мыслями.

— Как себя чувствуешь? — он подходит ближе, его взгляд внимательный и серьезный.
— Ты была у врача?

— Да, — коротко отвечаю я. — Просто переутомление. Витамины прописали.

Он хмурится, явно не веря моим словам.

— Как к этому отнесся твой муж? Поддерживает тебя? — его вопросы застают меня врасплох. — Выглядишь так, будто несешь на своих плечах весь мир в одиночку.

Я замираю, глядя на него. Это слишком личный вопрос для начальника. Слишком пронизательный.

— У меня всё в порядке, Вадим Сергеевич, — мой голос становится ледяным.

Он молча кивает и, развернувшись, выходит из кабинета. Я провожаю его взглядом, и в голове вдруг рождается страшная, абсурдная мысль. Черные конверты, фотографии, угрозы, шантаж мамой... И его странная, неуместная забота. Его вопросы о муже.

А что, если это он шантажирует меня? Мой босс.

Но зачем? С какой целью он мог бы это делать? Желание разрушить мой брак? Ему нужна я? Тогда зачем так мучить меня?! Мысль кажется безумной, но она уже поселилась в моей голове, пуская ядовитые корни.

Я смотрю на закрытую дверь, и впервые за долгое время страх перед неизвестным преследователем обретает конкретное лицо.

11

Мой взгляд скользит по офису, цепляясь за Вадима Сергеевича. После того как я надумала себе, что это именно он так издевается надо мной, и в самых ярких красках представляла, как босс следит за моим окружением, за мной, делает фото, готовит записки с угрозами...

Я начала наблюдать за ним.

Каждое его движение, каждый жест кажется мне подозрительным. Он поправляет очки — и мне чудится в этом какой-то скрытый смысл. Он отпивает кофе — и я уже рисую в голове сценарии, как он подсыпает что-то в мой напиток.

У меня паранойя. Я говорю себе об этом каждый раз! Но ведь если так посмотреть, то этот человек знает обо мне всё! Система безопасности компании собирает тщательное досье на каждого сотрудника, и я не исключение, поэтому о том, что моя мама давно сбежала, и я не могу ее найти, он в курсе. Если хотя бы раз заглядывал в моё дело.

Господи, зачем ему это?! — кричит внутренний голос, но я подавляю его. Слишком много ужасного происходит в жизни, чтобы сейчас отметить такие подозрения.

Он поднимает голову, и наши взгляды встречаются. Я резко отворачиваюсь, чувствуя, как по щекам разливается предательский румянец. Пора взять себя в руки.

Через несколько минут Вадим Сергеевич подходит к моему столу.

— Виктория, у вас готово аналитическое заключение по проекту БайЭлектроник? — его голос звучит ровно, но я слышу в нем стальные нотки.

— Ещё нет, Вадим Сергеевич, — отвечаю я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри все сжимается. — Я же говорила, мне нужно время.

— Вы же знаете, сроки горят, — он слегка нахмуривается, и его взгляд становится тяжелее. — Вы можете рассказать мне, если вас что-то беспокоит или мешает работе.

— У меня всё в порядке, — отрезаю я, не поднимая глаз. — Будьте уверены, заключение сдам вовремя.

— Вик, ну хватит, ты правда выглядишь изможденной, я не могу смотреть на то, как ты разрушаешься.

У меня вырывается истеричный смешок. Как тонко подмечено. Рассыпаюсь, если быть точнее, только вот его это совершенно не касается.

Или это ещё один изысканный способ издевательства?

— Мое здоровье — не ваша забота, Вадим Сергеевич, — говорю сквозь зубы, наконец, поднимая на него глаза. — Ответьте, почему это вас так беспокоит?

Он смотрит на меня несколько долгих секунд, и мне кажется, что в его глазах мелькает что-то похожее на разочарование, но я тут же гоню эту мысль. Да он же играет. Видно же, что играет.

— Потому что ты ценный сотрудник, — просто говорит он, — и я бы не хотел потерять тебя из-за твоей усталости, которая рано или поздно приведет в выгоранию, — он отходит, а я понимаю, что в его словах есть доля правды.

Сейчас я в таком состоянии, когда действительно хотела бы всё бросить и уехать куда-то далеко.

В обеденное время решаю скрыться от всех на веранде, расположенной на крыше офиса. Мне катастрофически не хватает тишины и спокойствия. Здесь, под открытым небом, я чувствую себя немного свободнее, словно офисный шум и суeta остаются где-то внизу, а я могу хоть на мгновение выдохнуть.

Предварительно заварив крепкий черный чай, вдыхаю его аромат и постепенно успокаиваюсь, заставляя воспаленное сознание хотя бы ненадолго, но притупить боль.

Потом подхожу к огромному панорамному окну, которое занимает почти всю стену веранды. Осторожно толкаю тяжелую раму, и медленно открываю окно, выпуская свежий воздух. Закрываю глаза, вдыхая полной грудью.

Почему-то в этот момент думаю о моем крохотном, нерожденном чуде. Рука сама собой опускается на живот, словно пытаюсь защитить того, кто итак обречен.

— Маленький мой... — беззвучно шепчу, и на глаза наворачиваются слезы. — Прости меня. Прости, что я не смогу тебя защитить. Прости, что я такая слабая.

Боль в груди разрастается, как черное пятно, поглощая остатки моей хрупкой надежды. Мир вокруг становится размытым, дыхание затрудняется, и я чувствую себя выброшенной на сушу рыбой.

Услышав за спиной раздавшийся шорох, тут же смахиваю с лица слезы и резко оборачиваюсь.

В горле встает ком.

Вадим Сергеевич.

Он стоит в дверном проеме, и его лицо перекошено гримасой злости. Он не просто смотрит, он сверлит меня взглядом, и мне становится не по себе. Медленно, шаг за шагом, он приближается. Я чувствую, как кровь стынет в жилах. Что ему нужно?

Я отступаю назад, пока не упрусь спиной в открытую раму панорамного окна. Один неверный шаг, и я полечу вниз.

Холодный воздух обдаёт меня со всех сторон, но мой взгляд прикован к его лицу. Его губы сжаты в тонкую нить, а скулы резко очерчены.

Он выглядит странно, когда подходит непозволительно близко. Его дыхание опаляет мое лицо. Я чувствую запах его одеколона, слишком резкий, слишком близкий.

— Что вы... — не успеваю опомниться, как он тут же перебивает, резко хватая за руку.

— Вика! — его голос звучит низко, почти рычаще.

Пальцы босса сжимают мое запястье, тогда как второй рукой он опирается о раму открытого окна, прямо над моей головой, загоняя меня в ловушку. Я не могу сдвинуться с места.

Мозг бьет тревогу. Мой босс. Шантаж. Беременность. Измена. Все смешивается в один безумный клубок.

Я смотрю в его глаза, и во мне поднимается леденящий ужас.

Он меня скинет... — страшная мысль пронзает мое сознание. — Он просто скинет меня вниз!

Дорогие мои, у меня вышла эмоциональная новинка!

Фиктивные БЫВШИЕ. Верну жену

<https://litnet.com/shrt/b325>

Аннотация:

— Мама! Мамочка!

Опустившись на колени, ловлю сыночка, сжимая в объятиях.

— Мама? — звучит хриплый, низкий, явно недружелюбный голос моего персонального ада.

Прижав к себе сына, поднимаю его на руки и пытаюсь спрятать, закрыть собой, не дать ему рассмотреть ребёнка, а бывший муж словно мысли мои читает...

— Я уже успел рассмотреть его, Лика. А теперь скажи мне только одно, — хищно щурится, давя энергетикой. — Он мой?

— С чего ты взял? — ядовито шепчу я, и в моем голосе слышится отчаянный страх.

— С того, — отвечает угрожающе-стальным голосом, — что он точная копия меня в детстве, Лик.

Пять лет назад он вычеркнул меня из своей жизни. А теперь он снова стоит передо мной.
Хищный. Опасный. Готовый присвоить всё, что считает своим.

Мою работу.

Мою свободу.

Меня.

Но сына — никогда!

<https://litnet.com/shrt/olN4>

12

Его пальцы на моем запястье словно раскаленное железо. Я смотрю в его глаза, и во мне поднимается леденящий ужас. Но вместо толчка Вадим Сергеевич резко трясет меня, несильно, но достаточно, чтобы привести в чувство. Затем отталкивает от окна за свою спину и с грохотом захлопывает створку.

— Ты сумасшедшая?! — его голос грохочет, разрывая тишину. — Разве беременность — повод кидаться с крыши?!

Я стою, как вкопанная, оглушенная его рычанием. Беременность.

Он знает. Он даже это знает.

Эта информация, словно крошечное зерно сомнения, прорастает в моей голове, подтверждая самые страшные догадки.

Это он.

Он следит за мной.

Он знает мои самые глубокие секреты.

— Это вы, да? — истерично вытираю глаза от слез, — зачем вы это делаете?! Зачем мучаете меня? Что я вам сделала?

Пока кричу, он мастерски играет удивленного.

— Откуда? Откуда вы знаете про беременность? С чего такая забота? Почему моего собственного мужа не заботит моё состояние, а вы спрашиваете меня о нём по сто раз в день! Почему?! Почему, когда со мной что-то происходит, вы всегда бываете рядом?! — мой голос дрожит, но я стараюсь придать ему хоть какую-то твердость.

Его глаза окончательно расширяются от удивления, а потом на лице появляется раздражение.

— Потому что, в отличие от вашего мужа, я волнуюсь о тебе, Вик, — он почти рычит, сжимая виски. — Черт возьми, — он глубоко выдыхает, потирая широкий волевой подбородок. — Я просто наблюдателен, Вик. Ты так нежно гладила живот и плакала у гребаного открытого окна. — Ты что... — в голове мелькает догадка. — Ты что, думал, я прыгнуть хочу? — ужасаюсь.

— А что, по-твоему, я должен был подумать?! Что ты наслаждаешься видом на город, рыдая навзрыд?! И что за обвинения, Виктория? Что происходит в твоей жизни? Кто, черт возьми, тебя может шантажировать?

Его вопросы ставят меня в тупик, я теряюсь под их натиском.

— И твой ужас в глазах, когда я подошел... — он словно говорит мысли вслух. — Ты что? Думала, я тебя скинуть хочу? Да что за бред, — выругавшись, он отворачивается, и я вижу, как огромные мышцы натягивают белую офисную рубашку. — Ты мне всё расскажешь, — заключает босс, снова поворачиваясь и напряженно глядя в глаза, но я отрицательно мотаю головой.

— Разговор окончен, Вадим Сергеевич, — отрезаю твердо, а затем разворачиваюсь и быстрым шагом направляюсь к двери.

— Вика, мы не закончили! — его голос догоняет меня, он идет следом. — Нам нужно об этом поговорить.

— Не о чем нам говорить! — я ускоряю шаг, пытаюсь оторваться от него. Он не отстает, его шаги гулко отдаются по плиткам пола.

Мы почти выбегаем в коридор, когда я на повороте к своему кабинету сталкиваюсь с секретарем. Оксана улыбается мне своей обычной милой улыбкой.

— Виктория Сергеевна, вам посылка, — щебечет она, протягивая небольшой, плоский пакет из крафт-бумаги.

Черный.

Внутри меня что-то холодеет. Босс замирает позади меня.

Немедля бросаюсь в свой кабинет и вижу, что Вадим заходит следом, закрывая за собой дверь и выжидающе наблюдая за мной.

Наплевав на всё свои домыслы, я дрожащими руками разрываю упаковку.

Внутри лежат привычные желтые тюльпаны и две глянцевые фотографии. Мое сердце падает в бездну.

На одной изображена так сильно похожая на меня мама в объятиях мужчины. И это не мой отец. Лица не видно, но телосложение и рост отличаются.

А на втором снимке папа... с другой женщиной.

Под фотографией выведены красивым ровным почерком слова: «Ты повторяешь мою судьбу, моя милая дочка. И ты права. Измена должна быть наказана лишь изменой. Твой босс отлично подойдет на эту роль».

Фотографии падают из моих рук, сердце бешено тарабанит о ребра, мне становится тяжело дышать.

Вадим оказывается рядом слишком быстро. Посадив меня на кресло, он протягивает мне стакан с водой, и пока я прихожу в себя от увиденного, он уже читает сообщение и смотрит фотографии.

— Это что за херня? — спрашивает раздраженно, а потом выбегает из кабинета. — Оксана, быстро мне все данные по курьеру! — слышу его рык на фоне.

В голове проносится куча мыслей, концентрируюсь лишь на одной. Это не он.

Это не Вадим.

Даже если он знал про маму, про отца... все думают, что он просто погиб... а не то, что его убили.

Когда босс возвращается, я уже немного прихожу в себя.

— Черт их дери, это уже не шутки, Виктория, — его голос серьезный, даже злой, каким я его еще никогда не слышала. — Это дело требует вмешательства органов. Полиции.

— Нет! — я резко машу головой. — Нет, я не могу. Вы ничего не знаете! Я не могу пойти в полицию!

— Это опасно! — настаивает он. — Тебя шантажируют, следят за тобой.

— Я сама разберусь, — отвечаю упрямо, комкая в руках пустой пакет. — Мне нужно ехать. Есть один человек, который знал об этом, мне срочно нужно его найти.

— А твой муж? Или...

— Они шлют мне письма о том, что Сергей мне изменяет. Как вы думаете, он в курсе этого?

Вадим Сергеевич смотрит на меня несколько секунд, а потом его лицо принимает выражение решительности.

— Тогда я еду с тобой.

Я поднимаю на него удивленный взгляд.

— Зачем вам это?

— Я не могу оставаться в стороне, когда вижу, что человек нуждается в помощи. Тем более, когда речь идет о безопасности. Ты не хочешь привлечь полицию, я это понял. Но и оставлять тебя одну в такой ситуации я не стану. Это серьезно и опасно! И раз ты не хочешь, чтобы вмешивались органы или твой муж, то я поеду с тобой.

Его слова звучат убедительно, и я чувствую, как напряжение в моих плечах немного спадает. Возможно, это безумие, доверять ему, но сейчас мне просто не к кому больше обратиться.

13

Глава 8

Спустя неделю

Мы выезжаем с боссом из Саратова и направляемся на мою родину, в Вольск. Пейзажи за окном сменяют друг друга, но я почти не обращаю на них внимания. В сотый раз прокручиваю в голове все послания, которые получаю на протяжении нескольких недель, и пытаюсь найти взаимосвязь, понять, кто их отправляет, и с какой целью.

А самое главное — правда ли это. Мне кажется, я до сих пор боюсь поверить в то, что Сережа мне изменяет.

Босс ведет машину уверенно и молча, периодически бросая на меня задумчивый взгляд.

За эту неделю я постепенно начала доверять ему, делиться обрывками своей истории, складывая для него пазл моего личного ада, хотя и сохраняла некие границы, не рассказывая всего. Мне кажется я вообще не способна в таком состоянии до конца доверять кому-то.

Вадим не задавал лишних вопросов, но я чувствовала его поддержку, и это давало силы не сойти с ума окончательно.

— Мы едем к моему бывшему парню, — вдруг произношу я, нарушая молчание. — Его зовут Павел.

Вадим снова смотрит на меня, но не перебивает, позволяя выговориться.

— Мы встречались, когда мне было восемнадцать, я тогда школу как раз заканчивала. В тот год всё и случилось... папа погиб, а мама... она просто исчезла. Сбежала, оставив меня одну. Позже выяснилось, что отца убили. Паша был единственным, кому я могла тогда рассказать обо всем, что творилось у меня на душе. Он знал всё. Когда я закончила школу, то сбежала в Саратов. Я просто не могла больше там находиться, каждый угол напоминал о трагедии. С тех пор мы не виделись, хотя первое время еще поддерживали связь по телефону. — Я горько усмехаюсь, глядя прямо перед собой, на дорогу. — Надеюсь, я хотя бы узнаю его при встрече. Столько лет прошло.

— Он знает, что мы едем? — голос Вадима ровный, деловой.

— Конечно. Я связалась с ним сразу же, как только нашла его контакты через старых знакомых. Еще неделю назад. Он сказал, что будет ждать.

Я отворачиваюсь к окну, и в этот момент грудную клетку будто кто-то резко сдавливает. Дыхание перехватывает, воздух застревает где-то в горле. Я судорожно хватаю ртом воздух, но легкие отказываются работать. Паника накрывает ледяной волной.

— Вика! — испуганный голос Вадима вырывает меня из оцепенения.

Он резко сворачивает на обочину, и машина останавливается. Я не могу ответить, лишь отчаянно пытаюсь вдохнуть. Вадим моментально оказывается рядом, распахивает мою дверь.

Он что-то говорит, но я не слышу слов. Он берет бутылку с водой, смачивает свои пальцы и осторожно проводит ими по моему лицу, по вискам, по шее. Его прикосновения — прохладные, но кожу словно жжет. Я дико вцепляюсь в его руку, ища опору.

— Дыши, Вика. Медленно. Вместе со мной. Вдох... выдох...

Я подчиняюсь его голосу, его ритму. Постепенно спазм отступает, и я могу сделать первый, рваный, но полноценный вдох.

Неловкость накрывает меня с головой. Он видел меня в таком жалком, беспомощном состоянии.

— Что это было? — требует он, когда я окончательно прихожу в себя. Выражение его лица серьезное, но в глазах видится неподдельное беспокойство. — Ты должна мне рассказать.

И почему-то в этот момент, в момент моей слабости, когда железные стены и без того опущены, я не выдерживаю и рассказываю ему про диагноз, про прогнозы врачей. Он слушает молча, не перебивая, его челюсти плотно сжаты.

— Мы найдем лучших врачей, — твердо заявляет он, когда я заканчиваю. — В Москве, за границей. Это не приговор.

— Забавно, — устало усмехаюсь я. — Мой босс знает обо мне больше, чем собственный муж.

Его брови сходятся на переносице.

— Муж не знает о болезни?

— И о беременности тоже, — слова сами срываются с губ.

Он смотрит на меня с откровенным недоумением.

— Почему?

Я отворачиваюсь. Меньше всего мне сейчас хочется думать о том, во что превратились наши отношения с мужем.

Вадим, кажется, понимает это и не настаивает. Он просто молча протягивает мне бутылку с водой.

— У меня есть знакомые, — говорит он спустя некоторое время, когда мы снова трогаемся в путь. — Они могут без лишнего шума и привлечения внимания узнать информацию. О твоей матери, об изменах мужа. Проверить всё.

— Я боюсь, — признаюсь честно. — В последнем письме... они намекнули, что знают о вас. Вы же тоже читали письмо... Они следят за всеми, кто рядом со мной.

Вадим стискивает руль так, что костяшки пальцев белеют.

— Хорошо. Тогда разберемся с этим позже, — решает он. — Сначала поговорим с твоим другом.

Мы приезжаем в Вольск ближе к вечеру. Город встречает нас серостью и унынием. Дом Павла находится на окраине. Старый, деревянный, с облупившейся краской и заросшим садом. Он выглядит так, будто в нем давно никто не живет.

Павел встречает нас на пороге. Он изменился, возмужал, но я узнаю его. Он улыбается мне, и приветливо приобнимает. Мы проходим в дом, где царит полумрак и пахнет пылью.

— Привет, — отражаю улыбку Паше и невольно смотрю на Вадима, который выглядит слишком серьезным. — Это мой начальник, Вадим Сергеевич.

Паша подходит и протягивает ему свою руку, но босс лишь коротко кивает, пока его взгляд настороженно скользит по комнате. Он не протягивает руку Паше, и я чувствую, как в воздухе нарастает напряжение.

14

Глава 8

— Паш, ты до сих пор живешь здесь? — спрашиваю я, стараясь переключить внимание на себя и сгладить неловкий момент. — Дом будто безжизненный...

— Да, — подтверждает он, потирая затылок. — Прости за беспорядок, я редко бываю дома. Последнюю неделю практически всё время нахожусь на работе, мой сменщик сейчас в отпуске.

— И где же ты работаешь? — слишком прямо, почти грубо, спрашивает Вадим.

Мне становится немного неловко от его тона. Паша усмехается, но я замечаю, как напряглись его плечи.

— На местном цементном заводе. Начальником смены.

Он предлагает нам кофе, но смотрит только на меня, будто намеренно игнорирует Вадима. Между ними словно сразу же образовалась взаимная неприязнь, и это кажется плохим знаком. Что, если в присутствии моего босса он не станет делиться информацией, ради которой я и приехала сюда?

Вадим будто невзначай прохаживается по комнате, осматривается, а затем спрашивает:

— Извините, где я могу помыть руки?

Паша машет рукой в сторону коридора.

— Вторая дверь налево.

Пользуясь возможностью, я хочу задать Паше важный для меня вопрос, надеясь, что ему хоть что-то известно, и он не станет это скрывать, но Паша меня опережает:

— Между тобой и... — он кивает в сторону двери, за которой скрылся Вадим. — Между вами что-то есть?

— Он мой босс, Паш, — отрезаю слишком резко, чему сама удивляюсь, — к тому же я замужем, — игнорируя поднимающееся внутри раздражение, я перевожу тему: — Помнишь, я тебе рассказывала о своей семье? О маме, когда она пропала, об отце, который погиб...

— Конечно, Вик, — тут же подхватывает Паша, словно понимает, что мне нелегко возвращаться мыслями в свое прошлое. — И о том, что выяснилось позже... Если ты вернулась, чтобы узнать, появилась ли новая информация о трагедии, то я не успокою тебя. Убийцу твоего отца уже вряд ли найдут.

— Я знаю, дело давно закрыто, — отвечаю тише. — Но я не об этом хотела спросить. Возможно, здесь ходят слухи, и ты мог что-то узнать... — мой голос обрывается. Сложно даже думать о таком, не то что говорить вслух. — Была ли у моего отца другая женщина? Или у матери... кто-то еще.

Мне не нравится взгляд Паши. Если он и удивлен, то только тому, что мне стало что-то известно.

— Это правда?

— Прости, Вик. Ты была в таком состоянии... Думаю, ты и сама понимаешь, что я не мог тебе этого тогда рассказать.

— Тогда?! — повышаю голос в неверии. — Ты знаешь об этом давно? Когда я жила здесь, общалась с тобой и переживала потерю близких, ты уже это знал?

— Еще когда твоя мать была здесь, а отец был жив, — окончательно шокирует меня Паша.

В коридоре хлопает дверь, слышатся шаги Вадима, и я, словно опомнившись, беру себя в руки.

— Что еще ты знаешь, о чем я должна была бы знать? — спрашиваю прямо, не заботясь о том, что мой голос звучит грубо.

— Ничего, Вик, — Паша смотрит мне в глаза, пристально и с тенью сожаления. — Ничего, что могло бы помочь разыскать мать или узнать что-то об отце. Я бы не скрывал от тебя что-то важное.

— То, о чем ты не рассказал, тоже было важно, — отрезаю сухо.

На кухню заходит Вадим, скользит по мне цепким взглядом, будто оценивает мое состояние, а затем смотрит на Пашу.

— В кранах перекрыта вода, — его голос звучит обманчиво спокойно. — Видимо, ты и правда, давно не появлялся здесь.

Паша на мгновение теряется, но ответить ему ничего не успевает. Кто-то стучит в дверь так, словно намеревается снести ее с петель.

— Ждешь гостей? — первым реагирует босс, обращаясь к Паше.

Тот лишь машет головой в растерянности и замирает на месте как вкопанный.

Коротко кивнув, Вадим уверенно шагает в коридор, и я, гонимая плохим предчувствием, спешу за ним. Но когда он отпирает дверь, я теряю дар речи...

На пороге, вне себе от злости, стоит мой муж.

Его разъяренный взгляд мечется от меня к Вадиму и снова возвращается ко мне.

— Не верил в этот бред до последнего, — рычит Сергей, — развлекаешься со своим боссом?

15

Глава 9

Я стою как громом пораженная, не в силах вымолвить ни слова. Как мой муж оказался здесь? Как он узнал? В голове роится миллион вопросов, но я не могу задать ни один из них, пребывая в растерянности.

Взгляд Сергея натывается на Пашу, который неуверенно выходит в коридор из кухни. Лицо мужа искажается в шоке.

— А это еще кто? — цедит он, оглядывая нас троих. — Отлично устроилась, Вика. Сразу с двумя?

— Сергей, давай поговорим дома, — наконец обретаю дар речи. — Ты всё не так понял, и своим поведением просто позоришь меня, — чеканю твердо.

— Я позорю? — истерично прыскает муж. — Да тут итак все понятно! — взрывается он. — Моя жена таскается по мутным хатам с начальником и каким-то левым мужиком!

— Остынь, — ледяной тон Вадима заставляет Сергея на мгновение замолчать. — И выбирай выражения, когда разговариваешь с ней.

Мой муж переводит полный ненависти взгляд на Вадима, готовый, кажется, броситься на него с кулаками. Но что-то в спокойной, уверенной позе моего босса, в его стальном взгляде, останавливает Сергея. Он психует, с силой ударяет кулаком по дверному косяку, разворачивается и, бросив на меня последний яростный взгляд, уходит. Через несколько секунд я слышу визг шин. Не желая даже попытаться во всём разобраться, он просто уезжает.

— Вадим, поехали домой, — произношу устало, чувствуя себя выжатой.

Обратно в Саратов мы едем в полном молчании. Я смотрю в окно, но вижу лишь отражение своего бледного, измученного лица.

Кто сказал Сергею, где я нахожусь? Тот же человек, что шлет мне письма? Он играет нами, как марионетками, сталкивает лбами, наслаждаясь хаосом, а я до сих пор не приблизилась к разгадке даже на крошечный шаг.

Или у меня уже просто дикая, сводящая с ума паранойя.

Когда мы въезжаем в город, Вадим нарушает тишину.

— Куда тебя подвезти?

— Домой, — отвечаю я, не раздумывая. — Мне нужно поговорить с мужем.

Он молча кивает, хотя я замечаю, как он крепче сжимает руль в напряжении.

У моего подъезда он останавливает машину, но не спешит меня отпускать.

— Вика, — он поворачивается ко мне и пристально смотрит в глаза, оставаясь серьезным. — Мой телефон доступен для тебя в любое время. Если тебе что-то понадобится, что угодно... просто позвони.

Я благодарно киваю, сдержанно улыбаюсь, а затем выхожу из машины и иду домой, чувствуя на спине его тяжелый взгляд.

Сергея я застаю в нашей спальне. Он зло швыряет вещи в дорожную сумку и собирается уходить.

— Нам нужно поговорить, — начинаю я как можно спокойнее.

— Не о чем нам говорить! — рявкает он, не глядя на меня. — Я сыт по горло твоими тайнами!

— Моими тайнами? — внутри меня что-то щелкает. Спокойствие сменяется ледяной яростью. — А как насчет твоих измен?

Он застывает с футболкой в руках. На секунду на его лице мелькает паника, или мне лишь так кажется... Но Сергей быстро берет себя в руки.

— Что за бред ты несешь?! — он переходит в наступление. — Я тебе даже повода не давал! А вот ты, как я посмотрю, времени зря не теряешь со своим боссом!

— Я была там по делу! — кричу, не в силах больше контролировать эмоции. — Это касалось моих родителей! И вообще, откуда ты узнал, что я там?

— Получил сообщение с неизвестного номера, — фыркает он, — с адресом и фотографией, где ты садишься в машину к своему боссу...

Сергей уже не так уверен в своих обвинениях, когда продолжает говорить:

— Почему ты поехала с ним, а не со мной? — его тон сквозит обидой. — Почему я, твой муж, ничего не знаю?

— Да потому что моему мужу нет до меня никакого дела! — высказываю то, что давно накопилось. — Тебя волнует только то, что происходит в твоей жизни! Тебе плевать, что творится в моей!

Мы кричим друг на друга, бросаясь обвинениями, и я чувствую, как последние силы покидают меня. Больше не могу...

— Я тяжело больна, Сергей, — произношу тихо, и в наступившей тишине мои слова звучат оглушительно.

Он замолкает, его злость сменяется растерянностью.

— Ты давно болеешь, и что?

Я смотрю ему прямо в глаза, в которых медленно угасает злость, а когда я начинаю говорить, появляется недоумение.

— У меня идиопатический легочный фиброз. Мне осталось жить около года, — говорю безжизненным голосом. — А еще... — второе признание дается гораздо сложнее, но я просто не могу больше молчать. — Я беременна.

Сумка с вещами выпадает из его рук. Он смотрит на меня широко распахнутыми, не в силах произнести ни слова. Мой муж в шоке.

— С таким диагнозом я вряд ли смогу родить. Врачи сказали, что... — мой голос дрожит, но я заставляю себя говорить дальше, — что беременность нужно прервать. Риск осложнений для меня слишком высок. Шансы выносить ребенка мизерны.

Я рассказываю ему всё: о визитах к врачам, об их опасениях, о том, как медленно и беспощадно болезнь забирает мои легкие, и как беременность только ускорит этот процесс. Я говорю о своих страхах, о бессилии, о безысходности, которую я чувствую каждый день. Выкладываю ему всё, что накопилось за эти дни, всё то, что я скрывала, пытаюсь справиться в одиночку.

И когда я замолкаю, в комнате наступает мертвая тишина. Сергей садится на кровать, опустив голову и переваривая услышанное.

Я не знаю, чего жду. Его сочувствия, понимания, поддержки? Да, наверное, именно этого мне не хватает сейчас. Я жду чего угодно, кроме того, что он говорит дальше.

— И... и этот ребенок... Он мой? — его голос глухой, лишенный всяких эмоций.

Мое сердце сжимается. Отчаяние сменяется жгучей болью, а затем и яростью. Я смотрю на него, не веря своим ушам. После всего, что я сказала, после всего, что вывалила на него, он сомневается?

— Ты серьезно? — мои слова звучат как шипение. — После всего, что я тебе рассказала, ты об этом думаешь?!

Мое тело звенит от возмущения, боль и злость рвутся наружу. Сергей поднимается с кровати раньше, чем я делаю шаг к нему. А затем со звонким шлепком отвешиваю ему пощечину. Мое тело звенит от возмущения.

— Проваливай! — говорю стальным голосом. — Проваливай туда, куда собирался! Мне не нужен муж, который сомневается в моей верности в такой момент! Иди к черту!

Сергей держится за щеку, его глаза снова наполняются яростью, но на этот раз смешанной с обидой. Он бросает на меня последний взгляд, полный ненависти, подхватывает сумку и вылетает из спальни. Вскоре я слышу, как входная дверь с грохотом закрывается и не ощущаю ничего, кроме расползающейся в груди ядовитой боли.

Но посреди этой боли и отчаяния, одна мысль пульсирует в моей голове, давая мне силы. Одна вещь, в которой я уверена на все сто процентов.

Я не могу отказаться от этого ребенка. Я не могу оборвать ему жизнь. Это мой ребенок, посланный мне свыше, и я буду бороться за него.

Даже если эта попытка будет стоить мне собственной жизни...

16

Глава 10

Пустота, образовавшаяся после ухода Сергея, гулким эхом разносится по квартире. Ночь проходит в тяжелой, вязкой дреме, где реальность и кошмар сплетаются в уродливые картинки. Однако утро приносит с собой не отчаяние, а холодную, стальную решимость. Ночная боль преобразовалась в цель. Я открываю глаза, и первые лучи утреннего солнца, пробивающиеся сквозь щель в шторах, кажутся мне не предвестником нового дня страданий, а стартовым сигналом.

Я не умру. Не сейчас. И я не потеряю этого ребенка.

Эта мысль пульсирует в висках, заглушая ноющую боль в груди. Я встаю с кровати, ощущая себя словно другим человеком. Вчерашняя Вика, раздавленная и плачущая, осталась в прошлом. Сегодня я полна решимости бороться. Я буду сражаться за двоих.

Первым делом я открываю ноутбук и спешно вбиваю в поисковике запросы: «лучшие перинатальные центры России», «ведение беременности при идиопатическом легочном фиброзе», «инновационные клиники Москвы».

Саратов — хороший город, но я понимаю, что мой случай требует столичного уровня, лучших специалистов, новейших технологий. Мне нужен центр, где на меня не посмотрят как на смертницу, решившую поиграть в русскую рулетку, а увидят пациента, которому нужна помощь.

Через час поисков я нахожу то, что искала. Частная многопрофильная клиника в Москве с одним из сильнейших перинатальных отделений в стране. Отзывы, статьи, список врачей — всё говорит о высочайшем уровне. Цены астрономические, но сейчас это не имеет значения. Я потрачу всё, что у меня есть, я найду деньги.

В голове уже выстраивается план. Сначала нужно поехать в клинику к Софе, забрать все выписки, результаты анализов, всю историю моей болезни. Потом — позвонить Вадиму и решить вопрос с работой. Я почему-то абсолютно уверена, что он поймет меня, отпустит без лишних вопросов, даст отпуск на столько, на сколько потребуется. Его вчерашний полный беспокойства взгляд у подъезда говорит о многом. В отличие от моего мужа, кажется, он действительно переживает обо мне.

Я быстро принимаю душ, одеваюсь и подхожу к зеркалу. В отражении всё то же бледное лицо, но глаза горят решимостью. Когда я уже почти выхожу из квартиры, в замке поворачивается ключ и в дверном проеме появляется Сергей.

Он выглядит ужасно: бледный, с красными, словно от бессонной ночи глазами, в той же вчерашней одежде. Сумка, которую он так яростно собирал, стоит у его ног. Он смотрит на меня виновато, и это совершенно не тот человек, что вчера брызгал слюной от ярости.

Но я вдруг понимаю, что мне сейчас всё равно даже на то, где он ночевал.

— Вика... — начинает он тихо, делая шаг ко мне. Я инстинктивно отступаю, и он замирает. — Прости меня. Я... я был не в себе. Идиот. Полный идиот.

Я молча смотрю на него, не чувствуя ничего, кроме холода. Словно все эмоции по отношению к нему выгорели дотла.

— То, что ты сказала... про болезнь, про... ребенка... — он сглатывает, будто ему трудно говорить. — Это был шок, я не знал, что думать. Я всю ночь не спал, ездил по городу. Вика, я вел себя как последняя сволочь. Всё, что я вчера наговорил... это неправда. Я не сомневаюсь в тебе. Я просто... испугался.

Он говорит много, сбивчиво, путано, рассказывает, как ему было страшно, как он запаниковал, как мысль о моей болезни и ребенке взорвала ему мозг. Он признается, что в послед-

нее время был невнимателен, заиклен на себе и своих проблемах на работе. Он клянется, что всё изменит, что мы со всем справимся вместе.

— Мы справимся, слышишь? — повторяет он, подходя ближе, и осторожно берет меня за руки. Его ладони холодные и влажные. — Мы найдем лучших врачей. Мы будем бороться. За тебя, за нашего ребенка. Я люблю тебя, Вика. Я клянусь, я всё исправлю.

Его слова, которые я так жаждала услышать еще вчера, сегодня звучат как пустой звук на ветру. Слишком поздно. Он сломал что-то важное, что-то, что уже не склеить извинениями.

— Мне нужно идти, — отрезаю холодным тоном и высвобождаю свои руки. — У меня дела.

— Куда ты? Давай я поеду с тобой! — в его голосе сквозит отчаяние.

— Сама справлюсь, — бросаю слишком резко, — как это делала раньше... — добавляю тише и, не глядя на него, выхожу из квартиры, оставляя его стоять посреди коридора.

По пути в клинику к Софии мне звонит Алёна, и я невольно смотрю на время. Обычно она в такое время спит, и этот звонок настораживает.

— Вика, привет! Ты где? Нам надо срочно встретиться, — ее голос звучит встревоженно.

— Привет. Я еду по делам, не очень удобно сейчас, — отвечаю спешно, мысленно прокручивая свой план. — Давай увидимся вечером?

— Нет, Вик, это срочно! Пожалуйста! Буквально на полчаса, умоляю! — она почти срывается на крик, и я понимаю, что случилось что-то серьезное. Беспокойство за подругу перевешивает.

— Хорошо. Где ты?

Мы договариваемся встретиться в маленьком кафе в центре, и мне приходится сменить маршрут, так как заведение находится в другой стороне.

Жду ее недолго, и когда Алёна влетает в кафе, бледная, растрепанная, она опускается на стул напротив и, не говоря ни слова, залпом выпивает стакан воды.

А затем поднимает на меня полный боли и отчаяния взгляд.

17

Глава 11

— Игорь... он, кажется, мне изменяет, — выпаливает подруга и разражается слезами.

Следующие полчаса проходят в сбивчивом рассказе о ее подозрениях, о его поздних возвращениях, о пароле на телефоне, который, как мне кажется, есть практически у каждого.

Я пытаюсь ее утешить, даю какие-то банальные советы, и спустя полчаса она немного успокаивается.

— Прости, что я тебя так выдернула... Просто больше не с кем поговорить. Спасибо тебе, — Алёна смахивает слезы, а затем пристально смотрит на меня. — Ты как сама? Что у тебя с лицом? Такая бледная... Ты была у Софы в клинике, как собиралась? Обследовалась? Мы же в прошлый раз так об этом и не поговорили...

Ее вопросы возвращают меня в мою собственную реальность, которая страшнее любых подозрений в измене.

— Да, была, — отвечаю сдержанно. А потом рассказываю ей о диагнозе.

— О, Вика... — она сочувственно накрывает мою руку своей. — Мне так жаль.

Я делаю глубокий вдох, решаясь. Алёна — моя лучшая подруга. Она должна знать.

— Это еще не всё, — я смотрю ей прямо в глаза. — Я жду ребенка.

Лицо подруги вытягивается. Удивление, затем растерянность, а потом — искренняя, светлая улыбка.

— Беременна? Вика! Это же... это же чудо! Я так рада за вас... с Сережей!

Но улыбка быстро гаснет, сменяясь тревогой.

— Подожди... А как же... с твоей болезнью? Врачи что говорят? Ты уверена, что будешь рожать?

— Более чем, — отвечаю твердо, и в моем голосе нет ни тени сомнения. — Я даже не рассматриваю другие варианты. Это мой ребенок, мой шанс, и я его не упущу.

В ее глазах я вижу смесь восхищения и ужаса, но она кивает, словно понимает и поддерживает.

Попрощавшись с Алёной, я беру в руки телефон, чтобы позвонить Софе и сказать о том, что уже выезжаю в клинику, но замечаю недавно пришедшее сообщение от нее. Она предупреждает, что у нее срочная операция и просит перенести встречу на следующий день. К тому же, завтра должны прийти результаты последних анализов, которые я сдала еще на прошлой неделе.

Ожидание нервирует, но я соглашаюсь и еду в офис, чтобы поговорить с Вадимом.

Он принимает меня сразу же, и я, не вдаваясь в лишние подробности, объясняю, что мне необходимо длительное лечение в Москве, возможно, на несколько месяцев.

Он слушает молча, оставаясь серьезным, но я замечаю в его глазах то же беспокойство, что и вчера.

— Вика, не говори глупостей, — хмурясь, отсекает он, когда я замолкаю. — Какое увольнение? Мы оформим тебе больничный на любой срок, который понадобится, и твое место останется за тобой. Здоровье — это главное, и если нужна будет какая-то помощь — просто дай мне знать.

Я благодарю его, чувствуя огромное облегчение.

Домой я возвращаюсь поздно вечером, выжатая, но с чувством выполненного долга.

Сергей пытается быть идеальным мужем: целый день звонил мне, переживая о моем самочувствии, сам приготовил ужин и сейчас, сидя за столом, старается отвлечь меня от тяжелых мыслей, рассуждая о нашем будущем.

Я принимаю его заботу отстраненно, как должное, не подпуская к себе близко. А утром нахожу на прикроватной тумбочке записку от него:

«Уехал по делам. Позвони, если что-то будет нужно. На кухне завтрак для тебя. Люблю».

Я комкаю лист бумаги и выбрасываю в мусор, когда выхожу на кухню, а потом вижу ее...

У входной двери на коврик лежит небольшая черная коробка, такая же как и в прошлые разы. Сердце падает вниз каждый раз, словно мой организм не просто способен выработать к этому иммунитет.

Внутри коробки лежит одна-единственная детская пинетка, крошечная, белая... И записка. Всего две фразы, выведенные красивым почерком.

«Мечтаешь о материнстве? Ты не сможешь».

Ярость захлестывает меня горячей волной. Эта тварь смеется надо мной. Смеется над моим ребенком, над моей надеждой...

Я с криком швыряю коробку в стену, на мгновение теряя самообладание. Хочу кричать, рвать и метать, но затем резко, словно опомнившись, останавливаюсь. Закрыв глаза, дышу медленно, мысленно отсчитываю секунды, пока не прихожу в себя, а в голове не проясняется.

Я не дам ему этого удовольствия, не позволю ему сломить меня. Этой насмешке я позволю лишь одно — укрепить мою решимость.

Позабыв о завтраке, я спешно собираюсь в клинику, но замираю на месте, едва успев одеться, и чувствую резкий, тянущий спазм внизу живота. А потом ощущаю волну тепла по ногам и бегу в ванную, где подтверждаются мои самые страшные опасения...

Я хватаю телефон, дрожащими пальцами набираю «скорую», а следом звоню подруге.

— Соф, у меня открылось кровотечение! — кричу в трубку, ощущая, как паника ледяными тисками сжимает горло. — Что делать?!

— Боже, да что ж творится в твоей жизни, Вика?! Так, успокойся, дыши ровно, — ее голос звучит четко и твердо, но несколько не отрезвляет меня. — Скорую вызвала? Молодец, теперь ложись на кровать, ноги подними выше, положи под них подушки. Не двигайся и не паникуй. Я приеду в клинику, как только смогу. Дыши, Вика, просто дыши. Мы справимся, родная...

Ее инструкции, как спасательный круг. Я делаю всё, что она говорит, и отчаянно цепляюсь за надежду, которая просачивается сквозь пальцы как песок, и боль постепенно отступает...

Скорая приезжает быстро, хотя кажется, что время тянется ужасно медленно. В машине я смотрю на мигающие огни за окном и молюсь... Молюсь всем богам, которых знаю, только бы с моим малышом всё было хорошо. Пожалуйста, только бы он был жив...

В клинике меня уже ждут врачи, но подруги нигде нет. Суeta, каталка, яркий свет ламп, белые халаты и запах больничных стен вызывает тошноту, но я пытаюсь держаться. А когда меня привозят в палату, и ко мне заходит незнакомый врач, я больше не могу себя контролировать и тут же набрасываюсь на него с вопросами:

— Что с моим ребенком? С ним всё в порядке? Скажите!

— Успокойтесь, Виктория, вам сейчас нельзя нервничать, — сухо предупреждает он. — Ребенка вы потеряли, но вашей жизни сейчас ничего не угрожает.

Левую сторону груди простреливает от боли, но я не верю ни единому услышанному слову. Врач говорит так спокойно, безэмоционально, словно дает рекомендации при обычной простуде, и я упрямо отрицаю каждую его фразу.

— Где заведующая отделения София Золотарева? — спрашиваю тем же ровным тоном, каким говорит со мной врач.

— Виктория... — недовольно хмурится он, но тут же замолкает и оборачивается, когда дверь распахивается и в палату заходит София в медицинском халате, наспех наброшенном поверх обычной одежды.

— Почему вы не предупредили, в какую палату оформят Егорову? Я же сказала, чтобы сразу звонили мне, — отчитывает подруга мужчину, а затем отрезает строго: — Андрей Петрович, оставьте нас.

Врач лишь сдержанно кивает и выходит, оставляя нас вдвоем, а я вглядываюсь в лицо подруги.

Вид близкого человека должен бы успокоить меня, но становится только хуже, когда я замечаю, как меняется ее лицо.

София подходит к моей кровати, но не садится рядом. Она просто стоит и смотрит на меня взглядом, полным такой боли, что у меня обрывается сердце.

Я уже всё понимаю. Но я не хочу верить...

— Соф... — шепчу еле слышно, ощущая жжение в глазах от слез, но в груди печет гораздо сильнее, словно я секунду оказываюсь в аду.

Она медленно качает головой, пристально глядя на меня, а в ее глазах собираются слезы.

— Мне очень жаль, Вика, — ее голос срывается. — Врачи... они не смогли ничего сделать... Произошел выкидыш.

Земля уходит из-под ног. Белый потолок палаты начинает вращаться, превращаясь в черную, бездонную воронку, которая засасывает меня целиком. Мой ребенок, моя надежда, моя жизнь...

Ее больше нет.

18

Глава 12

Время превратилось в бессмысленную, вязкую субстанцию, в которой я с каждым днем тону все больше. Казалось бы, я должна наслаждаться каждой минутой моего и без того утекающего времени, но не могу.

Руки невольно опускаются. Я столько лет только и делала, что работала, прислушивалась к другим, старалась всему соответствовать до такой степени, что сейчас, оглядываясь в прошлое, могу с уверенностью сказать, что неправильно жила жизнь. Я прожила ее так, что теперь, когда мне говорят, что остался всего год... я не могу изменить стиль жизни и, наконец, “зажить”. Вместо этого я раз за разом ощущаю расползающуюся по сердцу дыру...

Больница сменилась домом, но пустота осталась со мной.

Она сидит на соседней подушке, где должен был спать Сергей, но почему-то его все чаще не бывает дома. Она встречает меня на кухне, где я механически завариваю кофе, глядя в окно. Она поселилась в центре моей души, где, кажется, не осталось больше ни для чего другого места.

Врачи называют это периодом постепенного выхода из депрессии. Я называю это отсутствием смысла жизни.

После того, что случилось, кажется, я совершенно сошла с ума, потому что в порыве бесконтрольной ярости накричала на Софу, кидая в нее неаргументированные обвинения. Мой мозг посчитал, что раз она сказала мне об этой ужасной новости, значит она в этом и виновата. Странно, ужасно, и когда впоследствии я анализировала свое поведение, поняла это, однако в той ситуации... мне всё казалось подозрительным.

Человек, который шлет мне письма, довел меня до такой паранойи, что я начала подозревать самого близкого человека своей жизни, и поэтому с Софией мы почти не общаемся. Она пишет каждый день, плачет в трубку, отправляет фрукты, потому что я не открываю ей двери. Не потому что не хочу ее видеть, а потому что в целом я не хочу никого в своей жизни.

Дошло до того, что я начала просто ее игнорировать. Между нами вырос ледяной барьер, который я сама же и возвела, потому что уродливая, отвратительная мысль — подозрение, от которой меня саму тошнит, уже пустила корни в моем сознании и уже не может просто так выйти.

Софа была рядом в самый уязвимый момент. Она видела мою боль, когда я потеряла ребенка. Если это она...

Нет!

Я гоню эту мысль, корю себя за нее, называю параноиком, чье сознание отравлено горем. Я ненавижу себя за эти подозрения. Но перестать это делать тоже не могу.

Я схожу с ума...

Сегодня утром, после двухнедельного нахождения дома, мне поступает звонок от моего лечащего врача из Москвы, профессора Орлова. Я все же нашла в себе силы отправить свои документы и анализы в столичную клинику, и Софа... тоже помогла в этом.

Врач сообщает, что по результатам последних анализов мне срочно нужно начать курс, если не в клинике, то хотя бы домашней терапии. Проблема в том, что одно из лекарств достаточно редкое. Достать его в России почти невозможно, только по специальным квотам, которых ждать месяцами. А у меня этих месяцев нет.

— Я поищу варианты, Виктория, но ничего не обещаю, — голос врача звучит сочувственно, а это последнее, что я сейчас к себе жду. Жалость мне не нужна. — Попробуйте и вы подключить все свои связи.

Я вешаю трубку, и думаю о том, где найти то, чего у меня в принципе нет? Связей...

Поговорив с Сережей, получаю от него достаточно предсказуемый ответ.

– Вик, ну а я-то где их достану, если даже врач из Москвы не может, – сухо говорит муж, собирая сумку.

– Куда ты на этот раз? – спрашиваю монотонно, сидя на диване и закутавшись в плед.

– Мама просила зайти к ней, там куча дел мужских домашних скопилось, если поздно освобожусь, не жди, – с приторной улыбкой отвечает муж, а потом целует в лоб.

Я уже даже не удивляюсь, потому что вижу его едва уловимое, словно вытянутое из недр сердца, беспокойство, натянутую улыбку, притворную заботу...

Он стал чужим, абсолютно другим человеком. И если раньше я это отрицала, то сейчас это отчетливо видно. Непонятно лишь одно – зачем ему это?

Когда Сергей уходит, звоню Алене. Ее муж занимает весомую должность в краевом правительстве, поэтому, возможно, сможет помочь. Да и сейчас она единственная, кому я могу довериться. Выслушав меня, она обещает что-нибудь придумать, поспрашивать у мужа и знакомых, которые часто путешествуют. Я благодарю ее и пытаюсь заставить себя встать и хотя бы что-нибудь съесть.

Сергей возвращается вечером. От него пахнет сладким парфюмом, и это начинает раздражать. То, какую идиотку он из меня делает.

Он подходит ко мне и наклоняется, чтобы поцеловать, но я резко отталкиваю его от себя.

Он пожимает плечами и проходит к холодильнику.

— Как ты, милая? — его голос ровный, почти безразличный.

— Хорошо, — отвечаю я, а потом неожиданно для себя встаю и подхожу к нему. — Сегодня мне сказали, что на лечение нужно много денег. Да и лекарства нужны. Сереж, моих сбережений на этого не хватит. Боюсь, — я кладу руку поверх его на столешницу и заглядываю в лживые глаза, — нам придется продать квартиру.

Секундное замешательство, а затем он мягко, но настойчиво высвобождает свою руку, чтобы взять стакан. Залпом выпивая воду, он выходит из комнаты, так и не сказав мне ни слова.

Я больше не ложусь с ним в одну кровать. Это было бы просто издевательством над нервной системой.

У нас больше нет «мы». Есть я и моя проблема. И есть он. У матери, у другой женщины или где-либо ещё, но не со мной...

Спать я ложусь в гостиной, а на следующий день курьер оставляет мне пакет. Внутри — аккуратно упакованные ампулы и коробочки. Те самые лекарства. Все до единого. К пакету приколотая записка, написанная знакомым почерком:

Ты можешь ненавидеть меня. Можешь не разговаривать со мной. Можешь винить... Только лечись. И когда ты вылечишься, я приеду к тебе, даже если ты не будешь звать. Я люблю тебя, Вик.

София

Я стою посреди гостиной, сжимая в руке ее записку. Мне хочется разревется, но я держусь из последних сил. Как? Как она их нашла за один день? То, что профессор из Москвы назвал почти невозможным?

Наверное Алёна рассказала ей, это очевидно. Но скорость и результат... Это же не принесет ей проблем?

К вечеру я снова получаю сообщение от Сережи, что сегодня он остается у матери.

Его ночные отсутствия, его отстраненность, его ложь в глазах. И те фотографии от шантажиста, где он обнимает другую женщину. Я до последнего убеждала себя, что это подделка, провокация, попытка свести меня с ума.

Но сейчас, в оглушительной тишине пустой квартиры, под стук собственного сердца, я понимаю с ужасающей ясностью.

Это всё правда.

Мой муж больше не любит меня и изменяет мне.

19

Глава 13

Почему-то эта новость не бьет сильнее, чем потеря ребёнка. Наоборот. Впервые за две недели мне хочется решительных действий.

Как он мог так поступить, когда я в таком состоянии? После того, что мы пережили, он нагло плюнул мне в лицо! И не только мне, но и тем годам, что мы были вместе.

Я немедленно разведусь с ним. Как только он придёт домой, нас ждет серьезный и решительный разговор.

Утром, глядя на свое бледное лицо с темными кругами под глазами в отражении зеркала, я принимаю решение. Я не останусь здесь, в этой чертовой квартире из воспоминаний и ожиданий, из нашего смеха и слез.

Не позволю этой боли сломить меня.

Я быстро собираюсь и без раздумий еду на работу. Это единственное место, где я всё еще что-то из себя представляю, где я ценный специалист, а не брошенная жена и неудавшаяся мать.

Надев строгий костюм, заставляю себя выйти из дома. В офисе гул рабочей суеты на мгновение отвлекает. Я погружаюсь в отчеты, цифры, письма. Механические действия, не требующие души, но этого хватает ненадолго.

— Вика, зайди ко мне, — голос Вадима вырывает меня из оцепенения.

Я иду в его кабинет уже готовая к вопросам, но он не задает их. Он просто смотрит на меня несколько секунд, и в его взгляде ощущается беспокойство. То самое, которое я так ждала от своего мужа... Искреннее.

— С тобой всё в порядке? — спрашивает он мягко, указывая на кресло напротив своего стола.

— Да, — отвечаю слишком быстро, слишком бодро. Ложь звучит фальшиво даже для моих ушей.

— Ты выглядишь так, будто не спала неделю, — он не давит, просто констатирует факт. — Вик, мы договаривались. Если нужна помощь... любая. Может, хочешь поговорить? Не как с начальником, а просто... по-человечески.

Его участие находит уязвимое место в моей броне.

— Я... — голос дает трещину, и я опускаю взгляд на свои руки, сцепленные в замок на коленях. — Просто не понимаю, — снова поднимаю на него взгляд, но уже не такой уверенный, а тот, что за броней. — Ничего не понимаю...

— Возможно, я помогу тебе разобраться? — он наклоняется вперед, и его внимание полностью сосредотачивается на мне. — Что не так?

Слова вырываются сами, скомканные, лишённые подробностей, но полные боли.

— Всё. Моя жизнь... она разваливается на части. Всё, во что я верила, оказалось ложью. Всё, на что надеялась, рухнуло. И я совершенно не знаю... — судорожный вдох, — я не знаю, что мне вообще в жизни дальше делать.

Вадим молча встает, наливает стакан воды из кулера и ставит передо мной.

— Иногда, чтобы построить что-то новое, нужно, чтобы старое рухнуло до основания, — говорит он тихо. — Не принимай сейчас никаких поспешных решений. Не действуй импульсивно. Просто дай себе время дышать. И если ты захочешь уехать, сменить локацию, я... готов составить тебе компанию.

Его слова неожиданны, но, на удивление, приятны. Он смотрит на меня с такой нежностью, что впервые! Господи, действительно впервые я задумываюсь о том, что, возможно... нравлюсь ему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.